

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-99-105

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В ПОВЕСТИ О. КОЛПАКОВОЙ «СУПЕРСИЛЫ ПО НАСЛЕДСТВУ: МОИ СОВЕТСКИЕ ДЕДУШКИ»

© Жанна Гапонова

THE SYNTHESIS OF DOCUMENTARY AND FICTIONAL CODES IN THE STORY “SUPERPOWERS BY INHERITANCE: MY SOVIET GRANDFATHERS” BY O. KOLPAKOVA

Zhanna Gaponova

The article studies the mechanisms of interaction between documentary and fictional codes in O. Kolpakova's work "Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers", considered here as a translator of intergenerational ties. The author focuses on establishing the place of the family in the history of the country in different eras, which correlates with the purpose of our study – to determine the nature of the connection between non-fiction and fiction, past and present, which are presented in the story both in a dialogic unity and in opposition. The article concludes that the complex narrative organization of the work reflects the authorial concept of family history, allowing her not only to introduce the reader to the cultural and historical realities of a particular era, which is facilitated by the popular science commentary inserts by Ivan Privalov, but also to transmit the cultural codes that form the identity of the Russians (family, historical memory, respect for elders, love for one's country and our homeland). The analysis shows that the dialectical relation between non-fiction and fiction is realized through the motif of "stories", the conversation with the elder relatives is organized in accordance with the narrative models of Soviet literature, which makes an organic synthesis of non-fiction and fiction possible and does not presuppose a linear unfolding of the narrative. The article analyzes the ways of representation of the documentary in the story. The superpower motif, in the author's opinion, enables her to reach the level of mythopoetic modelling of the national cultural code, which represents traditional values in the formulas that are topical for modern teenagers.

Keywords: modern literature for children and teenagers, Olga Kolpakova, "Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers", documentary, fictional, narrative, national identity

В статье предпринята попытка осмыслить механизмы взаимодействия документального и художественного начал в произведении О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки», рассматриваемого в качестве транслятора межпоколенческих связей. Внимание автора сосредоточено на установлении места семьи в истории страны в разные эпохи, что коррелирует с целью исследования – определить характер связи документального и художественного, прошлого и настоящего, которые представлены в повести и в диалогическом единстве, и в оппозиции. Автор приходит к выводу, что сложная повествовательная организация произведения отражает авторскую концепцию семейно-родовой истории, позволяющей не только познакомить читателя с культурно-историческими реалиями определенной эпохи, чему способствуют и научно-популярные вставки-комментарии Ивана Привалова, но и передать культурные коды, формирующие идентичность русского человека (семья, историческая память, уважение к старшим, любовь к своей стране, родине). Выявлено, что диалектическая связь документального и художественного реализуется через мотив «историй», а разговор со старшими организуется в соответствии с нарративными моделями советской литературы, что делает возможным органический синтез документального и фикционального и не предполагает линейного развертывания нарратива. Проанализированы способы репрезентации документального в повести. Сюжетный мотив суперсилы позволяет, по мнению автора, выйти на уровень мифопоэтического моделирования национального культурного кода, репрезентирующего традиционные ценности в актуальных для современного подростка формулах.

Ключевые слова: современная литература для детей и подростков, Ольга Колпакова, «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки», документальное, художественное, нарратив, национальная идентичность

Для цитирования: Гапонова Ж. Синтез документального и художественного в повести О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 99–105. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-99-105

Результаты начатого в 2010-х гг. поиска «языка» для разговора с детьми о травматическом опыте прошлого сегодня нашли отражение в целом ряде произведений. К числу изданий, выступающих в качестве «посредников» между индивидуальной и коллективной памятью, можно отнести повесть Ольги Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» [1], вышедшую в издательстве «Пять четвертей». Как отмечает Е. В. Харитонова, «тема памяти – исторической и локальной, семейно-родового уклада жизни, межпоколенческих отношений относится к числу **константных** в творчестве О. Колпаковой» [2, с. 357], [3] (здесь и далее выделено нами. – Ж. Г.). Проблема «передачи культурного и языкового наследия из поколения в поколение» [4, с. 161] как реализации имманентно присущей детской литературе функции трансляции в текстах базовых кодов культуры [5, с. 134] в творчестве этого писателя может быть рассмотрена в аспекте актуальных для литературы попыток очертить символические границы идентичности русского человека.

Как и в произведении «Большое сочинение про бабушку», магистральная повествовательная стратегия которой – «установка на рассказывание о давно прошедшем», в повести «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» проблема взаимодействия прошлого и настоящего играет ведущую роль, а «базовые ценности и смыслы оказываются сконцентрированы в круге семейно-родовой жизни, становящемся аксиологическим и онтологическим центром, позволяющим обрести опору во внешнем мире» [2, с. 359]. В то же время в этой повести происходит существенное усложнение повествовательной организации, отражающее эволюцию авторской концепции семейно-родовой истории.

Постулируемая уже в заголовочно-финальном комплексе установка на я-повествование (использование притяжательного местоимения *мои*, датировка) вкупе с именем автора позволяет рассматривать образ повествователя в контексте автобиографического дискурса, сближая авторскую точку зрения с позицией персонажа-нарратора – 16-летней Полины. Такая стратегия чтения поддерживается и аннотацией к повести: «**Семейный портрет** на фоне эпохи, созданный в этой книге, построен на **реальных** событиях»

[1, с. 4]. Выбор подростка в качестве фокального персонажа, выстраивающего фикциональный автобиографический нарратив, позволяет автору рассматривать историческое прошлое в аспекте построения идентичности. Для Полины «Я» как рефлексивный проект предполагает познание себя в диалоге с «другими», идентификацию с определенной группой, в качестве которой в повести выступает род: «*Это прошлое может свести с ума, поэтому с ним нужно как-то **разобраться**, чтобы спокойно **жить настоящим***» [1, с. 196]. Однако прошлое и настоящее в повести представлены не только в диалогическом взаимодействии («*Найти, на какую полку **настоящего** положить всю эту добытую истину из **прошлого***» [1, с. 201]), но и как оппозиция, которая семантически достраивается через противопоставление точек зрения героини и ее подруги, демонстрирующей более типичное для современных подростков равнодушие к прошлому, отсутствие интереса к истории: «*Моя подружка Лилька заявляет, что ей **дела нет до прошлого**, она **живет настоящим**...*» При этом О. Колпакова показывает, как отношение к прошлому меняет видение персонажем окружающей действительности: «*...когда она смотрит на Сурью – холм над рекой, то **видит кустарник без названия и камень** <...> А я **представляю храм**, как на старой фотографии...*» [1, с. 189].

Одним из центральных в повести является мотив «историй», в котором реализуется диалектическая связь документального и художественного, поскольку точка зрения персонажа-нарратора не предполагает конфликта факта (биографического и исторического) ни с устными рассказами-воспоминаниями дедушек, ориентированными на личное свидетельство и, согласно П. Рикеру, представляющими собой «основополагающую структуру перехода от памяти к истории» [6, с. 44], ни с презентацией этих фактов в записях Полины. Разговор со старшими как сюжетная ситуация позволяет реализовать межпоколенческий диалог, в котором ведущая роль отводится рассказу, построенному в соответствии с различными нарративными моделями советской и – шире – мировой культуры (притча, производственный роман, исторический роман, бывальщина и др.), при этом отсутствует принципиальное противопоставление рассказов-

свидетельств и семейных преданий. Действие в повести ретроспективно захватывает ряд травматических событий XX века: революцию, раскулачивание и коллективизацию, Великую Отечественную войну, эпоху застоя, перестройку и др., и, чем дальше в своем исследовании прошлого рода Русановых продвигается героиня, тем более драматичные события попадают в поле ее зрения. При этом дедушки предстают как частные лица, чья жизнь «оказывается неразрывно связанной с меняющейся исторической ситуацией» [7, с. 88]. В центре внимания четыре поколения семьи Русановых, не сменяющих одно другое в контексте соответствующих исторических эпох, что характерно для жанра семейной хроники [8], но присутствующих в художественном мире повести одновременно. События из жизни семьи локализуются в большом историческом времени: «...если в этой истории участвует твой родственник <...>, то каждая мелочь начинает иметь значение...» [1, с. 126] (неслучайно возникает вопрос и о жанровой отнесенности произведения к роману или повести). Примечательно, что фамилия *Русанов* принадлежит к древнейшему типу русских фамилий, образованных от мирского имени – прозвища. Существует версия о том, что прозвание *Русан* могло иметь и другое значение: так могли называть выходца из русских земель или русского человека вообще [9]. В выборе фамилии героев, таким образом, можно уловить связь с русским народом, поэтому вполне закономерно, что за одной многопоколенной русской семьей скрываются судьбы всех тех, кто жил в стране в описанное время.

Отнесенные в прошлое события выстраиваются в самостоятельный нарратив в том числе и за счет научно-популярных вставок-комментариев Ивана Привалова, расширяющих контекст исторического события. Исторические комментарии лишены субъективного начала, «автор старается выдержать деловито-беспристрастный тон, избегая эмоционально окрашенных фраз» [10]. В тексте выделены прописными буквами и красным цветом слова и выражения, которым сопутствует историко-культурный комментарий. Эти вкладки, разрывая и замедляя повествование, в то же время призваны компенсировать неполноту исторического знания как нарратора-подростка («История из пунктиров и пробелов» [1, с. 125]), социокультурная компетенция которого совершенствуется в процессе развития сюжета, так и читателя, заполняя лакуны и достраивая картину художественной действительности в ситуации принципиальной эллиптичности устной речи персонажей. Эти комментарии выводят семейную историю Русановых в большое

историческое пространство. Так, например, «Воевать надо было друг с другом» дополняется вкладкой «Гражданская война», «Враг народа» – вкладкой «Большой террор» и др. В тексте имитируются копии подлинных документов: например, к сообщению о том, что прадеду Семёну 110 лет, прилагается «репринт» листа сельхозпереписи 1917 года (передаются особенности графики 1917 года: наличие кириллических букв *Ъ, ъ, ѣ*; названия, характерные для того периода: *приписной к селению, наделный* и др.) [1, с. 11–13]. Далее следует вкладка о том, что такое сельхозперепись и какие сословия были в дореволюционной России: это позволяет интерпретировать изложенные в документе факты. Комментариями сопровождаются не только исторические события и процессы, но и социокультурные реалии («О чем пели в Советском Союзе?», «Новые имена новой страны» и др.). Разговор героев о космических полетах иллюстрирован сведениями о полете Гагарина и других достижениях Советского Союза в деле освоения космоса и др. Сориентироваться в большом историческом времени помогают «карты повествования» (А. Н. Губайдуллина): временные шкалы («Хронология событий»), генеалогическое древо («Семья Русановых»), позволяющие читателю-подростку самостоятельно сориентироваться в художественном и фактографическом материале, выстроить причинно-следственные связи.

Документальное в повести проявляется не только в насыщении повествования историческими фактами, но и в конкретизации течения времени в доступных ребенку образах повседневности, конструировании узнаваемого облика среды: детали быта, упоминаемые имена собственные, языковые номинации явлений деревенского быта. И если в повести «Как рассердилась кикимора» О. Колпакова, по словам Л. Тибонье, «призывает читателя проложить мост над пропастью, разделившей поколения с уходом из деревень, распространением современного быта и утратой традиционного быта» [4, с. 164], то в повести «Суперсилы по наследству...» образ деревни связан с такими концептами, как *родина* и *судьба*, организующими ментальную модель мира русского человека: «Мы **всегда** жили в деревне и занимались крестьянскими делами» [1, с. 31].

«Равноправие» прошлого и настоящего отражается также в отборе и представлении атрибутов повседневности. Вещный мир (сотовый, 3D-принтер, музыкальный плеер), реалии информационной и медиасреды (Алиса (голосовой помощник), черепашки-ниндзя, паук-мутант, ГЛОНАСС, интернет, комиксы, «ВКонтакте» и

т. п.) выполняют функцию конструирования образа мира подростка. Образ современных школьников создают сленговые слова, которыми наполнена речь младшего поколения семьи Русановых: *суперско, нормалек, прикольно* [1, с. 34, 256, 259]. Моделирование образов эпохи происходит за счет внимания к культурным и социальным явлениям. Например, реалии времени представлены номинированием песен или цитированием их фрагментов, позволяющим быть вписанным в культурный контекст репрезентируемой эпохи: песня-марш космонавтов «Я верю, друзья...», «Прощальная комсомольская», «Взвейтесь кострами, синие ночи...», «Песня о Щорсе», «Время, вперед!», «Школьные товарищи» и др. Этот «советский» плейлист дополняют современные музыкальные композиции, которые слушает брат героини (Sabotage, We Are Detective). Упоминание актуальных реалий соседствует в повести с лексемами, номинирующими процессы и явления самых разных сфер: наука (*липаза* ‘закваска для сыра’, *кегель* ‘размер буквы’, *гениорнис* ‘вид вымерших птиц из семейства дроморнитид отряда гусеобразных’), быт деревни (*сенокосец, стан*), реалии прошедших эпох, позволяющие осуществлять локальную ретроспекцию, давая прошлому осмысленные оценки (*золотник, брличка*). Важную роль играет диалектная речь, словно документирующая локацию происходящего и передающая бытовые реалии: *заимка, быстрина, зимник, сходня, вёдро, дымарь, гоношиться, выдюжить, подчембариться* и др. При этом особенностью речи персонажа-нарратора, отражающей активное освоение и присвоение прошлого, является включение историзмов в актуальный контекст. Так, например, Полина иронизирует, забирая сквородку с картофельной запеканкой: «*Продразверстка. Иди в колхоз, не отрывайся от коллектива, там дед Афанасий Сталина показывает. Может, драка будет*» [1, с. 188]. Изображая все более глубокое погружение героини в историю своей семьи, О. Колпакова использует прием «обратного перевода» – с привычного Полине языка на «дедовский»: «*Они начали тренировать пофигизм, или, по дедо-Федосеевскому, невозмутимость...*» [1, с. 102]. Рефлексия над меняющимся языком как одна из стратегий освоения опыта прошлого играет в повести существенную роль («*Не работали старые слова для нового времени*» [1, с. 192]), что особенно показательно при отсутствии в сознании героини установки на противопоставление разных временных планов на уровне реалий.

Акцент на ощущениях, чувствах, мыслях нарратора-подростка, фиксация его оценки про-

исходящего не лишает повествование порой иронических нот: «*У нас многодедная семья*» [1, с. 10]; «*Зачем же им по потолку бегать, куда и от кого? Эволюция другие требования выдвигает человеку*» [1, с. 32]; «*Больше никогда в жизни никого из нашей семьи такое большое начальство по голове не гладило, ни зарубежное, ни местное*» [1, с. 88] (Индира Ганди погладила деда по голове, ср.: фразеологизм *по головке не погладят*).

Установка на рассказывание (о чем свидетельствует сохранение особенностей устной речи) отличает повествовательную стратегию О. Колпаковой от «литературы травмы», в которой, скорее, очевидна установка на умолчание. При этом позиции рассказчиков относительно одних и тех же событий могут существенно отличаться. Истории дедушек, представленные изначально как устная речь героев, сливаются в итоге с «письменной» речью персонажа-нарратора, в тексте повести присутствуют металептические вкрапления, когда Полина досказывает историю, начатую как свидетельство. Восприятие истории как синтеза фактуального и фикционального проявляется в отсутствии противопоставления глаголов «записывать» и «сочинять»: «*Этой весной я тоже начала записывать истории. И пока я их сочиняю, я ставлю на паузу настоящее...*» [1, с. 30]. Из этих рассказов складывается история семьи Русановых, объективированная в сознании подростка, о чем свидетельствует выбор глагола «**знать**»: «*Я знаю историю своей семьи всего лет на двести назад*» [1, с. 30]. При этом реализованная в повести концепция истории не предполагает линейного развертывания нарратива. Нарративный принцип включения в текст рассказов-воспоминаний, представляющих собой как бы ответвления от основной сюжетной линии, ограниченной летними каникулами, символически воплощается в образе старой **ветлы**, привезенной из-под Воронежа и посаженной Кузьмой Первым в честь рождения сына Семена в 1908 году, когда Русановы поселились в Находне. Мультиmodalный символ – ветла – отражает историю рода: «*спил ветлы у самого корня, огромный круг с годовыми кольцами, на которых записана история нашей семьи на этой земле*» [1, с. 258], – и в то же время, восходя к мифологеме мирового дерева, что актуализировано в тексте повести («*...словно не упало дерево ста с лишним лет, а обрушилась гора, сломалась сама земная ось*» [1, с. 226]), выступает образом того, что несет отказ от прошлого. Интересно, что именно «гибель» ветлы смещает акцент с символического образа памяти

(«цветные разномастные ленточки» на ветвях) на документальный – семейные фотографии.

Отношение к тексту как «посреднику» между приватными воспоминаниями, представляющими историю героя как словесно оформленный опыт, и социальной и культурной памятью позволяет говорить о притчевой стратегии воплощения художественного целого, которая позволяет репрезентировать связь поколений. При этом роль трансляторов исторического и аксиологического опыта отводится дедушкам, хотя в отечественной литературе для детей и подростков более традиционен вариант, когда задачу «хранить и передавать внукам семейное предание, выстраивать историческую ретроспективу» выполняет бабушка [11, с. 149].

Ольга Колпакова в «Суперсилах по наследству...» продолжает тенденцию воплощения в современной прозе нового типа героя-подростка – наследника. При обращении к событиям прошлого автор отказывается от выстраивания причинно-следственных связей: события объединены мотивом суперсилы. Образ «супергероя», обладающего суперсилой, актуализирует диалог с традицией американских комиксов о супергероях, однако предлагает индивидуально-авторскую интерпретацию сюжета: включенное в культурный опыт подростка понятие «суперсила» дает представление о точках опоры, помогающих семье преодолеть трудности, а дедушки-«супергерои» скорее тяготеют к былинным богатырям. Суперсилы передаются от дедов к внукам-наследникам: *«Жить надо всем вместе, друг за друга держаться»* [1, с. 253]. Внуки последовательно на протяжении всего повествования собирают суперсилы по крупицам, определяя таланты своих предков. Особняком стоит глава «Жизнь без суперсилы» о деде Афанасьиче, который во время репрессий сменил имя и отчество: *«...Словно предал. Ладно имя. А новым отчеством ведь он себя от семьи оторвал»* [1, с. 223]. Мотив суперсилы делает возможным и выход на уровень мифопоэтического моделирования национального культурного кода, механизм репрезентации которого можно описать как трансляцию традиционных ценностей в формулах массовой культуры, актуальных для современного подростка. Так, восходящий к притче о блудном сыне сюжет ухода и возвращения в семью деда Афанасьича и возникающий в этой связи мотив прощения актуализированы через трансформацию цитаты из романа «Гарри Поттер и философский камень»: *«Нужна суперсила, чтобы попросить прощения. И двойная суперсила, чтобы простить»* [1, с. 254].

Осознание своей суперсилы как рефлексированной ценности приводит героиню не только к личностному самоопределению (роль хранителя памяти семьи, продолжателя семейного дела), но и открывает для нее новый (кроме прошлого и настоящего) темпоральный вектор – в будущее. Полина метафорично определяет свою суперсилу – доводить дело до конца: *«... У меня появилось такое чувство, будто я собираю рюкзак. Такой, который ни при каком раскулачивании, продразверстке, национализации ... у меня не отберут. Виртуальный рюкзак... у меня есть шанс положить в него реальное „Я варила сыр, я умею варить сыр, и я смогу сварить сыр“»* [1, с. 237]. Будущее время как временная категория, столь важная для советского человека, контекстуально возникает в упоминании сюиты Г. Свиридова «Время, вперед!», впервые опубликованной полностью в 1968 году. Этот год – год 50-летия комсомола – в повести также неслучайно связан с закладкой «капсул времени», хранивших послания пионеров и комсомольцев потомкам. Показательно, что при имитации такого письма, которое по сюжету повести вскрыл в 2018 г. (время действия) дед Валерий Семенович, О. Колпакова использует цитаты из документов, среди которых и письмо комсомольцев 1968 года, вскрытое в 2018 г. на территории Ярославского завода лакокрасочных материалов: *«Волею партии и трудогового народа отсталая и нищая страна превратилась в передовую индустриально-аграрную державу мира...»* [1, с. 207]. Документ включается в художественную реальность на правах исторического свидетельства, вписанного в персональный опыт героини. Показательно, что, начав сочинять ответ – письмо предкам, Полина впервые пытается отрефлексировать свое место в истории. Как транслируемый уже самой героиней опыт ее точка зрения получает риторическое завершение в письме потомкам, которое она пишет вместе с братьями: *«Будь кем хочешь! Будь самим собой. Найди свою суперсилу! Это действительно прикольно!»* [1, с. 259].

Таким образом, рассматривая повесть О. Колпаковой в аспекте актуальных тенденций развития современной отечественной исторической романистики [12, с. 164], мы можем говорить о мифологизации истории (в частности, семейной) как ведущей стратегии освоения прошлого. Эволюция авторской концепции семейно-родовой истории, в которой обращение к прошлому актуализировано Я-проектом нарратора-подростка, а полифоническое звучание голосов различных рассказчиков не работает на моделирование единой концепции большого исторического времени, но позволяет создать онтологиче-

ское единство документального и художественного начал, делает произведение Ольги Колпаковой эмоционально-просветительским и надвременным, выводит на авансцену особый тип героя-подростка – наследника (Полина). Документальный компонент оказывается функционально важен для становления личности героини, понимания ею значимости семьи, связи семьи с историей страны, определения своего предназначения и тех ценностей, которые актуальны независимо от эпохи.

Список источников

1. Колпакова О. Суперсилы по наследству: мои советские дедушки / О. Колпакова; ил. С. Кучер; ист. коммент. И. Привалова. М.: Пять четвертей, 2022. 272 с.
2. Харитоновна Е. В. Тема памяти и образы времени в повести Ольги Колпаковой «Большое сочинение про бабушку» // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сборник материалов международной научной конференции, Челябинск, 26 февраля 2020 года. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2020. С. 357–359.
3. Алексеева М. Поиск «места силы» в повестях О. В. Колпаковой // Русская словесность. 2021. № 3. С. 71–80.
4. Тибонье Л. Путешествие к истокам психики в повестях Ольги Колпаковой «Как рассердилась кикимора» и Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» // Детские чтения. 2015. Т. 8. № 2. С. 160–172.
5. Арзамасцева И. Н. Возвращение в европейский Эдем: творчество Ульфа Старка в России // Детские чтения. 2013. Т. 4. № 2. С. 124–135.
6. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с. (Французская философия XX века).
7. Малкина В. Я. Исторический роман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 88.
8. Никольский Е. В. Романый субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья первая) // Art Logos. 2020. № 3(12). С. 50–65.
9. Фамилия Русанов. URL: <https://woords.su/surnames/surname-rusanov> (дата обращения: 01.05.2023).
10. Ольга Колпакова. Суперсилы по наследству: мои советские дедушки // Библиогид. URL: <https://bibliogid.ru/knigi/podrobno-o-knige/16400-olga-kolpakova-supersily-po-nasledstvu-moi-sovetskie-dedushki?ysclid=ljnx47nhv9948158281> (дата обращения: 01.05.2023).
11. Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 4. С. 141–153. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-13.
12. Сергеева Е. Н., Сундукова К. А. Границы исторического в современной отечественной романи-

стике (В. Шаров, Л. Улицкая, Д. Быков, Е. Водолазкин) // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 3 (69). С. 161–167. DOI 10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167.

References

1. Kolpakova, O. (2022). *Supersily po nasledstvu: moi sovetskie dedushki* [Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers]. 272 p. Moscow, Pyat' chetvertei. (In Russian)
2. Kharitonova, E. V. (2020). *Tema pamyati i obrazy vremeni v povesti Ol'gi Kolpakovoj "Bol'shoe sochinenie pro babushku"* [Theme of Memory and Images of Time in Olga Kolpakova's Story "A Big Essay about Grandma"]. IX Lazarevskie chteniya "Liki traditsionnoi kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: pamyat' kul'tury i kul'tura pamyati": sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, 26 fevralya 2020 goda, pp. 357–359. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian)
3. Alekseeva, M. (2021). *Poisk "mesta sily" v povestakh O. V. Kolpakovoi* [Searching for a "Place of Power" in the Stories by O. V. Kolpakova]. *Russkaya slovesnost'*. No. 3, pp. 71–80. (In Russian)
4. Thibonnier, L. (2015). *Puteshestvie k istokam psikhiki v povestakh Ol'gi Kolpakovoi "Kak rasserdilas' kikimora" i Ekateriny Murashovoi "Klass korrektsii"* [A Journey to the Origins of the Psyche in the Novels "How the Kikimora Got Angry" by O. Kolpakova and "A Correction Class" by E. Murashova]. *Detskie chteniya*, Vol. 8, No. 2, pp. 160–172. (In Russian)
5. Arzamastseva, I. N. (2013). *Vozvrashchenie v evropeiskii Edem: tvorchestvo Ul'fa Starka v Rossii* [A Return to European Eden: Ulf Stark's Work in Russia]. *Detskie chteniya*. Vol. 4, No. 2, pp. 124–135. (In Russian)
6. Riker, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. (Frantsuzskaya filosofiya XX veka). 728 p. Moscow, izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. (In Russian)
7. Malkina, V. Ya. (2008). *Istoricheskii roman* [A Historical Novel]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. P. 88. Moscow, izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada. (In Russian)
8. Nikolsky, E. V. (2020). *Romannyi subzhanr semeinaya khronika: voprosy istorii i teorii (Stat'ya pervaya)* [Family Chronicle within the Novelistic Prose System]. *Art Logos*, No. 3(12), pp. 50–65. (In Russian)
9. *Familiya Rusanov* [The Surname Rusanov]. URL: <https://woords.su/surnames/surname-rusanov> (accessed: 01.05.2023). (In Russian)

10. Ol'ga Kolpakova. *Supersily po nasledstvu: moi sovetskie dedushki* [Olga Kolpakova. Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers]. Bibliogid. URL: <https://bibliogid.ru/knigi/podrobno-o-knige/16400-olga-kolpakova-supersily-po-nasledstvu-moi-sovetskie-dedushki?ysclid=ljnx47nhv9948158281> (accessed: 01.05.2023). (In Russian)

11. Gaponova, Zh. K., Nikkareva E. V. (2022). *Reprezentatsiya obrazov babushki i dedushki v sovremennoi detskoi literature* [Representation of Images of Grandmother and Grandfather in Modern

Russian Literature for Children]. *Filologicheskij klass*, Vol. 27, No. 4, pp. 141–153. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-13. (In Russian)

12. Sergeeva, E. N., Sundukova K. A. (2022). *Granitsy istoricheskogo v sovremennoi otechestvennoi romanistike (V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin)* [Boundaries of the Historical in Modern Russian Novelistics (V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin)]. *Filologiya i kul'tura*, No. 3(69), pp. 161–167. DOI 10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167. (In Russian)

The article was submitted on 21.08.2023

Поступила в редакцию 21.08.2023

Гапонова Жанна Константиновна,
кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»,
150000, Россия, Ярославль,
Республиканская, 108/1.
jangap1@mail.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna,
Ph.D. in Philology,
Yaroslavl State Pedagogical University named
after K. D. Ushinsky,
108/1 Republican Str.,
Yaroslavl, 150000, Russian Federation.
jangap1@mail.ru